

Модест и София

Русская сентиментальная повесть.

М., Издательство Московского университета, 1979

Составление, общая редакция и комментарии П. А. Орлова.

OCR Бычков М. Н.

Il est du veritable amour, comme de l'apparition des esprits:

tout le monde en parle, mais peu de gens en ont vu {*}.

Rochevoucauld

{* Истинная любовь подобна призраку: все о ней говорят, но никто ее не видел. *Ларошфуко (франц.).*}

Молодые люди! Не читайте ни Элоизы, ни Вертера; не воспламеняйте своего воображения ни Юлиями, ни Шарлоттами*: их нет в обществе! Ни огненная Лиза, ни томная Нина, словом, ни одна девушка не будет вас любить романически... "Как? -- вскричат модные наши писатели.-- Как? Ты вооружаешься против красавиц? Осмеливаешься лишать их обожателей и думаешь, что тебя послушают? Бедный Мизогин! Мы напишем строгую, ученую критику на твою книгу -- и маранья твоего никто читать не будет и женщины восторжествуют!" Милостивые государи! Ваши сонеты, ваши песенки, которыми вы так щедро наделяете все еженедельные и ежемесячные издания, не ясно ли доказывают, что и вы терпите от красавиц? Что слезливые Музы ваши не защищают вас от стрел Купидоновых? А вы, прелестные, не сердитесь на покорного, страстного обожателя... Так, я любил вас, любил нежно, пламенно; люблю еще и теперь, но позвольте сказать истину. Сладки слова ваши, восхитительны улыбки, райские наслаждения приносят ласки ваши, но как они и непостоянны, как обманчивы! Признайтесь, красавицы, признайтесь хотя сами себе, не приятно ли вам переменять любовников... Вы потупляете прекрасные глаза свои, краснеете... Итак, не сердитесь, прелестные, и выслушайте следующую повесть.

-- Неужели вечно останешься непреклонным? Неужели глубокая горесть и мрачная задумчивость будут уделом едва только расцветшей жизни твоей? Неужели не откроешь души своей другу покойного твоего отца, твоему другу? Молодой человек! Волосы мои побелели, кровь стынет в жилах моих, я смотрю в могилу; но сердце мое не охладело, и злополучия людей я не могу видеть сухими глазами. Если ни советы, ни помощь моя не могут облегчить твоего несчастья, я буду с тобою плакать.

Разделенная горесть не так тягостна для сердца. Модест! Я не хотел напоминать тебе об этом, но твое упорство принуждает меня. Вспомни когда твой отец, закрывая глаза навеки, прижал тебя к слабо бьющемуся своему сердцу и, указав на меня, сказал: "Он заменит тебе отца! -- с того времени исполнял ли я свою обязанность? И это ли награда за все мои о тебе попечения?"

Так говорил благоразумный Честон, сидя в темной, меланхолической аллее с двадцатипятилетним Модестом, который печально смотрел на падающие желтые листья. Сначала молодой человек был равнодушен, но последние слова сильно поразили благородное сердце его.

-- Нет, почтенный Честон! -- сказал он с жаром.-- Нет! Я могу быть несчастлив, неблагодарным же -- никогда, никогда! Вы называете меня, упорным, нечувствительным за то, что не хочу поверить вам моих горестей? Ах, почтенный друг! С молодыми людьми случаются такие несчастья, которым в старости только смеются; но я готов лучше сносить ваши насмешки, нежели оскорблять вас. Слушайте...

Природа дала мне чувствительную, страстную, пылкую душу; воспитание усилило эти наклонности. Семи лет я с жадностью читал хорошие и дурные романы, а десяти был влюблен в одну милую девушку. Отец мой послал меня учиться в университет; приобретя некоторые познания и воспламенив воображение романическими героинями, я вступил в общество -- с образованным умом, но без знания людей. Вы жили в свете и так легко можете себе представить все, что я вытерпел. Всякое мое телодвижение было осмеяно, всякое слово -- пересужено. Молодые люди находили обильную материю забавлять красавиц своих насчет новичка; красавицы хотя украдкой и посматривали на меня довольно приятно, но боялись быть явно ко мне ласковы. Мнение света есть компас их: он руководствуется им -- по крайней мере для вида,-- руководствуются и тогда, когда оно бывает несправедливо: кто же проникнет